

ИСТОРИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ПОЛЬСКОГО АКАДЕМИКА Г. ЛОВМЯНЬСКОГО ПО ИСТОРИИ ЛИТВЫ, РУСИ И СЛАВЯНСТВА

В. Т. Пашуго

Реакционные историки лагеря империализма любят толковать о мнимой несвободе историков-марксистов, творчество которых, по их мнению, якобы увядает в условиях социалистического строя. Они отвергают мысль о том, что можно сознательно постигнуть и признать марксизм как принципиально новый и неизмеримо более совершенный, чем принятый буржуазной наукой, метод познания. Творческий путь Генрика Ловмянского — яркое опровержение подобного взгляда. Научная деятельность этого крупного польского ученого и особенно его плодотворные работы последних лет, посвященные анализу внутренних предпосылок и внешнеполитических условий образования славянских государств, в частности, древнерусского и древнепольского, — пример сознательного усвоения и плодотворного применения марксистского метода, который открыл перед исследователем новые горизонты.

Первая работа Г. Ловмянского появилась в 1923 г., когда, сотрудничая в журнале «Ateneum Wileńskie», он опубликовал рецензию на издание Литовской метрики¹. Ранние статьи Г. Ловмянского посвящены социально-экономической² и культурной³ истории Литвы XVI в. и носят источниковедческий характер.

Но уже тогда молодого ученого особенно интересовала социально-экономическая природа общества раннего средневековья. В 1929 г. вышла в свет его первая работа по этой теме, посвященная древней истории литовского сельского поселения⁴. Ныне нельзя признать убедительной принятую тогда автором общую схему развития литовского (и прусского) поселения. Но для выяснения проблемы генезиса феодализма весьма существенны сделанные им выводы о древнем происхождении термина «villa» и аргументированные соображения о том, что под этим термином могло скрываться как многодворное поселение крестьян, так и однодворное поселение нобилия, приобретавшее в этом случае черты поместья (curia, habitatio)⁵.

Дальнейшие изыскания автора в области древнелитовской истории завершились выходом в свет в 1931—1932 гг. двухтомного исследования, посвященного становлению общества и государства древней Литвы⁶. В этом труде собран материал, без которого не обойдется ни один исследователь средневековой истории Литвы. Г. Ловмянский впервые широко привлек не только литовские источники, но и сравнительно-исторические данные, касающиеся эстонцев, латышей и пруссов.

¹ См. «Ateneum Wileńskie». Roczn. I, 1923, № 2, str. 268—274.

² H. Łowmiański. «Wchody» miast litewskich. «Ateneum Wileńskie». Roczn. I (1923), str. 398—466; Roczn. II (1924), str. 1—30; его же. Sfaższowany opis obwarowania m. Wilna. «Ateneum Wileńskie». Roczn. III (1925), str. 82—94.

³ H. Łowmiański. Papiernie wileńskie XVI w. «Ateneum Wileńskie». Roczn. II, 1924, zecz. 7—8, str. 409—422; cp. Roczn. III, str. 161—179.

⁴ H. Łowmiański. Przyczynki do kwestii najstarszych kształtów wsi litewskitej «Ateneum Wileńskie». Roczn. VI, 1929, str. 293—336.

⁵ Там же, стр. 299, 303, 328—330.

⁶ H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. I. Wilno. 1931; t. II. Wilno. 1932.

В монографии освещена политическая география Литвы, сделан опыт определения ее территориальной структуры (деления на бывшие племенные территории, земли, волости и села). Изучив хозяйство страны, автор установил, что его основу составляло пашенное земледелие и что древняя Литва вовсе не была так бедна и убога, как ее изображали некоторые источники и многие историки. Автор охарактеризовал состояние литовских вооруженных сил. Он кропотливо собирал свидетельства источников об экономическом и политическом положении литовского, прусского, эстонского и латышского нобилитета. В книге приведены и сопоставлены факты, относящиеся к истории литовско-норманских, литовско-русских и литовско-немецких отношений до 60-х годов XIII века. Этот труд заслуженно поставил Г. Ловмянского в ряды лучших специалистов по истории Литвы и принес автору научное признание. В 1934 г. Г. Ловмянский занял профессорскую кафедру по истории Восточной Европы в Вильнюсском университете.

Фундаментальный труд Г. Ловмянского и сейчас сохранил большое значение. Но, разумеется, как недавно отметил сам автор, эта книга требует критического подхода⁷, ибо методология, которой в прошлом пользовался автор, препятствовала правильному решению проблемы генезиса феодализма и образования государства. Генезиса феодализма автор почти не коснулся, а проблема образования государства оказалась замененной другим вопросом — об образовании монархии.

В предвоенные годы появились также исследования Г. Ловмянского, связанные с вопросом о роли унии в истории⁸. Поставив под сомнение принятое в польской историографии мнение, будто только уния «позволила обществу Литвы играть активную роль в политической жизни»⁹, автор отверг распространенный домысел о древнелитовском абсолютизме и высказал мысль, что три общественных элемента: великий князь, княжеская династия и боярство, — объединенные единством целей, руководили страной. «Сохранялась иерархическая структура, но они были солидарны, ибо их цели и интересы были одинаковы: эксплуатация соседних народов и земля, покоренных вооруженной рукой»¹⁰. Об эксплуатации ими собственного народа автор еще не говорил.

Г. Ловмянский выдвинул тогда же мысль о том, что главной причиной унии явились хозяйственные и общественные затруднения Литвы после прекращения в 60-х годах XIV в. завоеваний на Востоке и в связи с этим резкое сокращение добычи и доходов боярства¹¹; он отмечал, что уния была проведена с согласия и в интересах литовского боярства. Правда, автор еще придерживался мнения о рождении иммунитетов из пожалования и полагал, что только с унией в Литве занялась заря «словного государства», пришедшего на смену «военной монархии»¹².

⁷ H. Łowmiański. Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XIII-XV. «Przegląd Historyczny», t. XLIV, 1954, str. 338—371.

⁸ H. Łowmiański. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej. Wilno. 1934 (odbitka z Księgi pam. ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu lit.); ср. его же. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 г. «Ateneum Wileńskie». Т. XII, 1937, str. 36—145; о более поздних этапах унии см. его же. Czynniki społeczne formowania się wielonarodowościowej Rzeczypospolitej szlacheckiej. «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich». Т. I. Warszawa. 1953, str. 397—407.

⁹ H. Łowmiański. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unii jagiellońskiej, str. 216.

¹⁰ Там же, стр. 239.

¹¹ Там же, стр. 244, 253.

¹² Там же, стр. 262. Ср. H. Łowmiański. Z zagadnień spornych społeczeństwa litewskiego w wiekach średnich. «Przegląd Historyczny». Т. XL (1949 wyd. 1950), str. 96—127. Причину сильной власти в Литве автор искал в особенностях «политико-этнической» структуры Литовского великого княжества, в котором литовские земли составляли меньшую часть; это, по мнению Г. Ловмянского, заставляло господствующий класс теснее сплачиваться вокруг княжеской власти. Там же, стр. 106.

В целом буржуазная методология, которой в те годы придерживался автор, при всем его внимании к социально-экономическим проблемам, не могла дать ключа для их решения. Свидетельство тому — известная дискуссия о «феодализме» в Литве, проведенная на VI съезде польских историков в 1935 году. Здесь с основными сообщениями выступили И. Яворский и Г. Ловмянский.

Первый считал, что в Литве не было феодализма в его западноевропейском виде, а имел место «непосредственный переход от патримониального устройства к устройству сословному»; уния также не принесла феодализма, ибо в самой Польше, по мнению И. Яворского, феодального строя не существовало. И взявшись феодализму, утверждал он, было неоткуда: в Германии он-де в конце XIV в. был уже на закате, а Орден строился «на других, не феодальных основах»¹³.

Полемизируя с И. Яворским, Г. Ловмянский пытался установить, были ли в Литве феодальные институты, сходные с западноевропейскими. Исходя из принятых в буржуазной науке признаков феодализма (раздел государственной власти, раздел собственности, институт вассалитета, лен и сеньория), он пришел к выводу, что в Литве наблюдались явления, «аналогичные западному феодализму», но они не приобрели такого же значения, как на Западе, так как, за исключением иммунитета, не проникли глубоко в общественную и государственную структуру и не создали основы, «на которой вырастает феодализм»¹⁴.

Понятно, что поиски в Литве феодальных юридических форм, аналогичных западным, не были плодотворными, ибо исторические условия образования сословий в этой стране и, скажем, во Франции совершенно различны.

Исследования Г. Ловмянского по истории пруссов, получившие широкое отражение в упомянутом двухтомнике о Литве, вылились затем в самостоятельную книгу¹⁵. Если к этому добавить труды по истории Новогродской¹⁶ и Могилевской¹⁷ земель, а также десятки рецензий на польские, немецкие, белорусские, литовские и украинские работы по ранней истории Прибалтики, Польши и Литвы, то можно составить общее представление о круге интересов и деятельности Г. Ловмянского на этом первом этапе его творчества.

В годы второй мировой войны и немецкой оккупации Г. Ловмянский был занят в вильнюсском архиве. В перечне его научных трудов, как и в списках произведений многих других польских историков, эти годы зияют пустотой — прямое следствие фашистского режима.

Новый и наиболее плодотворный период в творчестве ученого начался в социалистической Польше. Народная власть открыла перед ним широкий путь научной и преподавательской деятельности. В 1946 г. Г. Ловмянский стал профессором кафедры истории Восточной Европы (с 1951 г. переименованной в кафедру истории народов СССР) Познаньского университета имени Адама Мицкевича. Этой кафедрой он беспрерывно руководит и донныне, одновременно возглавляя Исторический институт того же университета. Деятельность Г. Ловмянского связана также с Институтом

¹³ I. Ya w o r s k i. Zagadnienie feudalizmu litewskiego i zachodniego. Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu historyków polskich. T. I. Lwów. 1935, str. 226.

¹⁴ H. Ł o w m i a ŋ s k i. Zagadnienie feudalizmu w W. Księstwie Litewskim. Там же, стр. 219; ср. ег о же. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. «Ateneum Wileńskie», T. XII, 1937, str. 129.

¹⁵ H. Ł o w m i a ŋ s k i. Prusy pogańskie. Toruń. 1935 (на английском языке: The Ancient Prussians. Toruń. 1936).

¹⁶ H. Ł o w m i a ŋ s k i. Rys historyczny województwa nowogrodzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795). Wilno. 1935.

¹⁷ H. Ł o w m i a ŋ s k i. Handel Mohylewa w XVI wieku. «Studia historyczne ku czci St. Kutrzeby». T. II. Kraków. 1938, str. 517—574; ср. ег о же. Struktura gospodarstwa Mohylewa w czasach pomiaru włochniej. «Roczniki dziejów społecznych i gospodarskich». VIII. 1939, str. 37—91.

истории Польской Академии наук, в котором он заведует отделом истории феодализма.

Научная общественность Польши высоко оценила заслуги Г. Ловмянского: в 1952 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1956 г. — действительным членом Академии наук. К своему шестидесятилетию, которое было отмечено 10 августа 1958 г., Г. Ловмянский пришел в расцвете творческих сил, как автор более полутора ста научных работ, созданных в результате напряженного тридцатипятилетнего труда.

Послевоенное творчество Г. Ловмянского развивалось в нескольких направлениях.

Возобновив после долгого перерыва свою работу, он обратился к марксизму, к трудам советских ученых. Достаточно ознакомиться с многочисленными (свыше полутора десятков) рецензиями и критическими статьями Ловмянского об исследованиях советских ученых (Б. Д. Трекова¹⁸, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, К. В. Базилевича, В. В. Мавродина, Л. В. Даниловой и др.), советских изданиях источников, обобщающих трудах и дискуссиях¹⁹, чтобы убедиться в том, с каким искренним удовлетворением принял их Г. Ловмянский сам и ознакомил с ними научную общественность молодой народной республики.

Он нашел путь к правде истории, путь, которого не мог найти в буржуазной науке панской Польши, чье правительство «санитарным кордоном» изолировало от советской науки польских ученых, зачастую попадавших под влияние немецкой националистической историографии. Г. Ловмянский подошел к советской науке как исследователь, творчески воспринимая ее достижения, как искренний и преданный друг нашей науки, нашей страны.

В трудах Г. Ловмянского появилась новая тема — изучение метода познания той науки, которой он посвятил свою жизнь. Выступая на первой методологической конференции польских историков (1953 г.), он с оптимизмом говорил о возможностях познания истории с помощью марксистско-ленинской теории: «Перед историком стоят две исследовательские задачи: 1) установление закономерности исторического процесса и 2) определение специфики данного явления в его историческом развитии, познание конкретной сущности»²⁰. Г. Ловмянский отмечал, что учение об общественно-экономических формациях открывает неисчерпаемые возможности применения сравнительно-исторического метода исследования: «Метод этот позволяет не только раскрывать повторяющиеся явления, но также и определять их истинную последовательность. Благодаря огромной, неограниченной индуктивной основе этот метод открывает перед историком также беспредельные исследовательские возможности»²¹. Труднее познание конкретного, но и здесь на основе применения марксистской концепции открываются неизведанные стороны известных источников и используются их новые виды.

К этой теме автор вернулся еще раз в рецензии на труд А. Шаффа²², где он отметил большое значение самой исторической науки для развития исторического материализма. Нам представляется, что это очень важная проблема, в разработке которой должны смыкаться усилия историков

¹⁸ См. также H. Łowmiański. Twórczość naukowa Borysa Grekowa (1882—1953). «Nauka Polska», Roczn. I. № 4. Warszawa. 1953, str. 131—139; ср. его же. Wkład akad. Grekowa we wczesne dzieje Słowiańszczyzny. «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. T. I. Warszawa. 1953, str. 214—221.

¹⁹ H. Łowmiański. Stan badań nad podłożem gospodarczym i społecznym genezy państwa ruskiego. «Przegląd Historyczny». T. XLIII, 1952, str. 34—59.

²⁰ H. Łowmiański. Granice poznania historycznego. «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich». T. I, str. 105.

²¹ Там же; см. также H. Łowmiański. Końcowe uwagi redaktora tomu (na Konferencji Instytutu Historii poświęconej dyskusji nad I tomem Historii Polski w dn. 9 II. 1956). «Kwartalnik Historyczny». Roczn. LXIII, № 3, str. 103.

²² A. Schaff. Obiektywny charakter praw historii. Warszawa. 1955.

и философов. Ведь не только для истории, но и для исторического материализма имеет значение, например, изучение конкретных особенностей, исходя из общих закономерностей, в частности, скажем, определение путей генезиса феодализма у народов, миновавших рабовладельческую формацию (германцы, славяне, литовцы, народы Прибалтики и др.).

В указанной работе Г. Ловмянский изложил свое понимание приемов марксистского сравнительно-исторического исследования²³. В этой связи можно отметить, что в советской науке методика сравнительно-исторических исследований разрабатывается недостаточно. На наш взгляд, критика буржуазного формального, внеисторического сравнительного метода должна сопровождаться обобщением опыта работы советских ученых (например, Б. Д. Грекова, А. И. Неусыхина и др.), плодотворно применявших марксистский сравнительно-исторический метод.

Теоретические изыскания Г. Ловмянский все более активно сочетает с пропагандой достижений польской науки по ранней истории Восточной Европы (рецензии на работы В. Хензеля, Г. Лабуды, Я. Башкевича, А. Каминьского, С. Кучиньского и др.) и с критикой буржуазных исследований, научную слабость и политическую тенденциозность которых автор вскрывает с присущей ему эрудицией (рецензии на книги Г. Пашкевича, Г. Роде, Г. Лудата и др.).

Содействуя критическому пересмотру немецких националистических концепций по истории Литвы и прусских земель Поморья, Г. Ловмянский опубликовал содержательный обзор историографии пруссов²⁴ и ряд произведений по истории польско-прусских²⁵, немецко-прусских²⁶ и немецко-литовских²⁷ отношений.

Центральной в творчестве Г. Ловмянского остается труднейшая проблема образования раннесредневековых государств, но теперь ее решение поставлено автором в неразрывную связь с генезисом нового способа производства. Работа в этой области велась и ведется автором в нескольких аспектах.

Прежде всего это источниковедческие исследования, посвященные памятникам древней истории славянских стран. Стремясь расширить круг источников по этой проблеме, исследователь обратился к таким много лет изучавшимся, но все еще недостаточно понятым памятникам, как «Dagome iudex»²⁸, «De administrando imperio»²⁹, «Баварский географ»³⁰, как источники по историческому прошлому червенских городов³¹ (перемышльско-белзско-червенского района) и другие.

Высказанные им мысли о двух редакциях «Баварского географа», конкретно-исторический анализ обеих с точки зрения изучения восточной политики франкского государства, сопоставление терминов «Лензанины» Константина и «Лендизи» «Баварского географа», возведение их к «Ле-

²³ H. Łowmiański. Na marginesie zagadnienia praw historii (z powodu książki prof. A. Schaffa. «Mysł Filozoficzna». 1956. № 4, str. 175.

²⁴ H. Łowmiański. Stan badań nad dziejami dawnych Prusów. Olsztyn. 1947

²⁵ H. Łowmiański. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów. «Przegląd Historyczny». T. XLI, 1950, str. 152—179.

²⁶ H. Łowmiański. Polityka ludnościowa Zakonu niemieckiego w Prusach i na Pomorzu, Gdańsk. 1947; ср. его же. Prusowie i państwokrzyżackie. W wyd. «Warmia i Mazury». T. I. Poznań. 1953, str. 93—120.

²⁷ H. Łowmiański. Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XIII—XV. «Przegląd Histor.». T. XLIV, 1954, str. 338—371.

²⁸ H. Łowmiański. Imię chrzestne Mieszka I. «Slavia Occidentalis». T. XIX. 1948, str. 203—308; его же. Longum mare. «Roczniki Historyczne». R. XXIII, Poznań, 1957, str. 65—77.

²⁹ H. Łowmiański. Lędzianie. «Slavia Antiqua». T. IV (1953), 1954, str. 94—114.

³⁰ H. Łowmiański. Kilka uwag krytycznych o początkach Polski. «Roczniki Historyczne». XVIII. Poznań, 1949, str. 352—373; см. его же. O pochodzeniu Geografa bawarskiego. «Roczniki Historyczne». XX (1951/1952). 1955, str. 9—55.

³¹ H. Łowmiański. Problematyka Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespolonych badań polsko-radzieckich. «Kwartalnik Histor.». Roczn. LX, 1953, № 1, str. 58—85.

дзянам» и, через русскую огласовку, к «ляхам» Сандомирщины и тому подобные построения весьма интересны и хорошо аргументированы. Пусть не все эти гипотезы выдержат испытание временем, но, по верному и образному выражению самого Г. Ловмянского, гипотеза, даже опровергнутая, как солдат, павший в битве за правое дело, «гибнет не напрасно»³², служа выяснению научной истины.

Внимательно следя за развитием славянской археологии³³ и языкознания³⁴, опираясь на товарищескую помощь коллег, Г. Ловмянский работал³⁵ над своими фундаментальными трудами, из которых один — «Хозяйственные основы формирования славянских государств»³⁶ — вышел в свет в 1953 г., а другой — «Вопрос о роли норманнов в образовании славянских государств» — в 1957-м³⁷. Эти труды взаимно дополняют друг друга.

Как историк-марксист, автор считает образование славянских государств закономерным следствием развития феодального способа производства. Первая из названных книг — это еще не история образования славянских государств, а «только подготовка материала для дальнейших исследований и выводов, определение исходного пункта того процесса, который закончился возникновением ряда устойчивых государственных центров». Главной темой книги является выяснение вопроса о том, «с какими переменами в производительных силах следует связывать (разумеется, посредством перемен в базисе) возникновение нового государственного строя»³⁸. В основу анализа положен материал польский и русский, и широко использованы сравнительно-исторические данные, относящиеся к славянству в целом.

В книге последовательно освещается соотношение отдельных отраслей сельского хозяйства (и их региональное значение) у древних славян (и других народов Европы на аналогичном этапе истории), в частности, в феодальном землевладении; изучается техника земледелия как главной отрасли хозяйства и в особенности переход от подсечного земледелия к пашенному³⁹; исследуется город как центр ремесла и торговли в связи с военной организацией государства, а также проблема внешней торговли и торговой политики раннефеодальных государств. Завершается работа

³² H. Łowmiański. Kilka uwag krytycznych o początkach Polski. «Roczniki Histor.», XVIII, 1949. Poznań, str. 353.

³³ H. Łowmiański. Głos w dyskusji nad zagadnieniami teoretycznymi historii kultury materialnej (posiedz. Wydz. I. PAN dn 2. II 1955). «Kwartalnik Historii Kultury Mater.». Roczn. II, № 3, 1955, str. 590—593; ero же. Kryterium i początki miast, więz ze wsią i stanowisko społeczne ludności miast w Polsce wczesnośredniowiecznej. «Pierwsza sesja archeologiczna IHKM PAN. Warszawa—Wrocław. 1957, str. 356—359.

³⁴ См. Slavia Occidentalis. T. XIX, 1948, str. 442—452; см. H. Łowmiański. Uwagi o wpływach słowiańskich na litewską terminologię kościelną. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej». T. II. Warszawa. 1957, str. 366—372.

³⁵ Этапы этой работы отражены в выступлениях автора 1949—1950 годов. См. Geniza państwa kijowskiego. «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności». T. L. 1949, str. 594—597; Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności». T. LI. 1951, № 2, str. 103—106; Stan badań nad podłożem gospodarczym i społecznym genezy państwa ruskiego. «Przegląd Histor.», Roczn. XLIII, 1952, str. 34—59.

³⁶ H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa. 1953. По этому же вопросу Г. Ловмянский выступал с докладом на X Международном конгрессе историков в Риме. См. «La genèse des états slaves et ses bases sociales et économiques» в книге «La Pologne au X-e Congrès Internationale des sciences historiques à Rome». Warszawa. 1955, pp. 29—53.

³⁷ H. Łowmiański. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa. 1957.

³⁸ H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze, str. 6, 7.

³⁹ Там же, стр. 66, 94, 167. Весьма интересны соображения автора о том, почему пашенная техника вытеснила подсечную (там же, стр. 173). Замечу кстати, что структурно раздел IV, посвященный вопросам техники, было бы целесообразнее поместить перед III, трактующим об основах феодального хозяйства.

анализом количества населения как важнейшего элемента производительных сил.

Уже самый круг вопросов и их постановка интересны. Надо пожалеть, что до сих пор в нашей археологической и исторической литературе этот труд не получил специального разбора⁴⁰. В данной статье мы лишь кратко коснемся некоторых, наиболее существенных сторон книги Г. Ловмянского.

Вывод о господстве пашенного земледелия у славян сам по себе не нов, но такую всестороннюю его аргументацию на основе комплексного анализа языковых, этнографических, археологических и письменных источников, с привлечением сравнительно-исторических данных, относящихся к античности, германцам, народам Прибалтики⁴¹, нам еще не приходилось встречать. Региональное исследование того же вопроса, произведенное впервые, весьма ценно тем, что, в сущности, устанавливает наличие естественно-географического разделения труда у славян.

Для историка в книге Г. Ловмянского наибольший интерес представляет трактовка основной проблемы: выяснение хозяйственных предпосылок появления имущественного, а затем и социального неравенства. На наш взгляд, это сейчас коренная проблема, всестороннее решение которой в значительной мере продвинет все дело исследования генезиса феодальных государств. Тем большего внимания заслуживает данный опыт.

Автор сделал немало. Он проанализировал собственное хозяйство крупных землевладельцев, видя в этом средство более глубокого понимания «хозяйственных основ образующейся государственной организации»⁴². Основываясь на сведениях русских, польских, немецких, чешских, южнославянских и греческих источников, он убедительно доказал полное сходство эволюции нобилитета различных славянских стран⁴³. Автор пришел к выводу о сравнительно небольших размерах собственного хозяйства землевладельческой знати и его уклоне в сторону скотоводства (в частности, коневодства для военных нужд дружины), а также бортничества и других отраслей, удовлетворяющих специфические нужды господствующего класса⁴⁴. Весьма важны данные, подтверждающие неравномерность распределения материальных благ в раннефеодальном обществе, — проблема, которая изучена у нас гораздо хуже, чем другие стороны производственных отношений.

Исследование ценно и тем, что оно вызывает вопросы, которые, в свою очередь, нуждаются в сравнительно-историческом изучении широкого масштаба. Остается открытой проблема о сущности и глубине несоответствия уровня производительных сил, выясненного автором, характеру патриархально-общинной собственности и вытекающим из нее обмену и распределению, о сущности и глубине его соответствия более прогрессивной, феодальной собственности.

Задача эта далеко не проста. Г. Ловмянский ее не обходит, но дает лишь «краткий обзор» данных о том, «как давно начался процесс концентрации земельных имуществ в руках немногочисленного класса»⁴⁵, и делает общее заключение, что он шел в конце первого тысячелетия на основе разложения родового строя, когда родовая знать перерастала в княжущую⁴⁶; автор показывает также, в чем заключалось социально-экономическое отличие дофеодальной знати от феодальной⁴⁷.

⁴⁰ Краткий отзыв Ю. Чернецкой см. в «Известиях» АН БССР. Минск. 1955, стр. 141—144.

⁴¹ H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze..., стр. 54 и сл.

⁴² Там же, стр. 96.

⁴³ Там же, стр. 108.

⁴⁴ Там же, стр. 128 и сл.

⁴⁵ Там же, стр. 118, ср. стр. 246.

⁴⁶ Там же, стр. 102—103.

⁴⁷ Там же, стр. 97.

Нам представляется, что перерастание родовой знати в феодальную было явлением, лишь сопутствующим основному процессу превращения меньшинства общинников в привилегированных собственников земли, а большинства — в зависимых землевладельцев. Поэтому центральной проблемой остается изучение генезиса феодальной собственности из собственности общинной. Эта феодальная собственность поначалу (как свидетельствует византийский, германский, литовский и прусский материал) не была, да и не могла быть крупной, так как нобили едва возвышались над другими членами общины. Поэтому понятие «крупная собственность», которым оперирует автор, применимо лишь для упрочившегося феодализма. Г. Ловмянский определяет размер собственности мужа-нобиля XI—XII вв. в 150—600 дымов⁴⁸, ретроспективно допуская, что для IX—X вв. она составляла несколько деревень⁴⁹.

Но, имея в виду экономический путь рождения нобилитета из общины, по нашему мнению, следовало бы показать, на каком уровне общественного производства могла возникнуть собственность размером в 2—3 дыма, то есть установить тот уровень, который делал возможным первоначальное присвоение земледельцем-общинником орудий труда, земли и самой рабочей силы своего соседа.

Притом для дальнейшей эволюции феодальной собственности решающее значение имело то, на каком этапе истории общины возникло государство (в частности, поделен ли *ager publicus*; если поделен, то насколько развит аллод, и т. д.); факты свидетельствуют, что в государствах, возникших на стадии большего развития аллода (тому пример Литва, Жемайтия и, вероятно, упоминаемая автором Мазовия)⁵⁰, наблюдалось замедленное развитие крупной собственности, длительная незавершенность аграрных преобразований.

С этим связан и вопрос о структуре собственности и власти в возникавших городах, а равно и вопрос о торговле. Автор собрал многочисленные данные о торговых путях, о развитии внешней торговли и справедливо подчеркнул, что она «оказывала сильное влияние на политику раннефеодальных государств»⁵¹. Но для изучения экономических условий, при которых возможны разложение общины и концентрация движимой и недвижимой собственности в руках отдельных земледельцев, пожалуй, более важное значение имеет анализ товарного производства, закона стоимости, форм накоплений и т. п. Таким образом, эта монография Г. Ловмянского, весьма ценная сама по себе, вызывает, как видим, много вопросов, обсуждение которых позволит в дальнейшем наметить путь к их решению.

В другой книге Г. Ловмянского, «Вопрос о роли норманнов в образовании славянских государств», основная проблема анализируется в сравнительно-исторической постановке и с таким обильным использованием источников, какого в трудах на эту тему еще не было. Автор ставит вопрос широко, отмечая, что норманны (викинги, варяги) выступали на арене раннесредневековой Европы в переломный период формирования здесь государств и на огромном пространстве от Англии до Руси сыграли в истории тех или других стран различную роль.

Изучив историографию и источники вопроса, он бесспорно устанавливает, что, например, в истории Польши эта роль вопреки домыслам немецких националистических фашистских историков и адептов новейшего «изучения Востока» (*Ostforschung*) была совершенно ничтожной⁵².

⁴⁸ Там же, стр. 114.

⁴⁹ Там же, стр. 117. Очень интересны соображения автора о раннефеодальных бенефициях — кормлениях (стр. 111).

⁵⁰ Там же, стр. 115.

⁵¹ Там же, стр. 217, 231.

⁵² H. Ł o w m i a ń s k i. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, str. 13—34.

«Русский пример более сложен ввиду значительно большего прозачивания норманского элемента и требует особенно глубокого изучения политических факторов и фактов, недостаточно выясненных антинорманистами»⁵³. Тщательно ознакомившись с досоветской и советской историографией проблемы⁵⁴, автор подчеркивает новое качество советского антинорманизма, сформулированного Б. Д. Грековым и его школой, которая видит корень решения проблемы в социально-экономической истории Руси, тогда как старая наука искала средства для противопоставления норманским «творцам» русского государства элементы финские, хазарские, литовские, аланские и т. п.⁵⁵.

Решительный сторонник того взгляда, что основа государственного развития славян коренится во внутренних изменениях экономики и общественного строя, автор сопоставляет выводы о сдвигах в общественном производстве с синхронным процессом возникновения государств и предлагает искать естественную связь между этими двумя явлениями⁵⁶. Поскольку, однако, норманисты утверждают, что внутренний процесс может привести к образованию государства лишь в силу «влияний и импульсов извне»⁵⁷, автор устанавливает, что эта посылка норманистов не имеет решающего значения, как свидетельствует пример самих скандинавских стран. Вообще говоря, внешние контакты присущи всем народам, и те из них, чья связь с внешним миром меньше, как правило, дольше сохраняли консервативные общественные формы. Видов взаимных связей народов может быть множество. Нет нужды, например, отрицать связь славянского мира с восточноримской, а германского — с западноримской империями, но все дело в правильной оценке значения этих связей. Было бы глубоко ошибочно полагать, что при контактах более развитой и менее развитой культур первая из них только дает, а вторая только берет. В действительности существует взаимообогащение различных культур. Имея в виду славяно-норманские связи X—XI вв., надо к тому же учитывать, что нет оснований считать норманскую культуру выше славянской.

«Связать образование Русского государства, бывшего частью общей истории славянства, с вторжением норманнов значило бы заменить научное историческое исследование анекдотическим повествованием»⁵⁸. Другое дело, если бы норманисты могли показать, что норманны были не чуждой силой, а внутренним фактором истории Руси, что они жили на славянской земле и составляли какое-то политическое целое, вроде надвожского каганата, который грезился когда-то П. Смирнову⁵⁹. Но сами норманисты говорят, что колонизация была локальной, впрочем, даже это оспаривается в советской науке. Норманский элемент играл лишь второстепенную роль в истории государственного развития славян и, в частности, Руси.

Ввиду изложенного Г. Ловмянский считает нужным проверить всю источниковедческую базу норманистов, базу работ Т. Арне, Г. Вернадского, Г. Пашкевича, А. Стендер-Петерсена и многих других.

Задача этого полемического труда, как ее определяет сам автор, вытекает из современного состояния истории норманизма: «норманисты, при значительном разнообразии деталей, единодушны в двух основных пунктах: 1) считают, что норманны приобрели власть над восточным славянством, будь то, как полагают одни, на пути внешнего завоевания силой оружия,

⁵³ Там же, стр. 58.

⁵⁴ Там же, стр. 35—58.

⁵⁵ Там же, стр. 58.

⁵⁶ Там же, стр. 57.

⁵⁷ См. мнение А. Стендер-Петерсена «Relazioni». Т. III. Roma. 1955, р. 167; ср. рецензию Г. Г. Литаврина в сборнике «Средние века». Вып. VIII. М. 1956, стр. 386—395.

⁵⁸ H. Łowmiański. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, str. 57.

⁵⁹ П. Смирнов. Волзьский шлях і стародавні Руси. Київ. 1928.

будь то, как думают другие, с помощью «мирного покорения», которое основывалось на заключении славянскими племенами добровольного соглашения с норманнами и переходе под их власть или на проникновении норманнов в глубь славянской среды и захвате власти изнутри. И в том и в другом случае считается, что норманны государственно организовали местное население, бывшее в политическом отношении скорее пассивной массой; 2) полагают, что «Русь» означала первоначально норманнов, которые затем передали это имя славянскому народу, им подвластному».

Автор в связи с этим и счел нужным «осуществление проверки материала источников с целью выяснения, действительно ли имеется противоречие между результатами исследований внутреннего развития славянства и свидетельствами источников, которые, по мнению норманистов, должны удостоверить преобладающую роль скандинавского элемента в организации Русского государства, иначе говоря, уполномочивает ли действительный смысл этих источников ставить под сомнение убедительность фактов хозяйственных и общественных, говорящих за органическое возникновение государства прежде всего вследствие развития местных условий»⁶⁰.

Г. Ловмянский подверг критическому анализу источники, относящиеся к четырем наиболее остро дискутируемым вопросам: проникновению норманнов в восточнославянские земли в связи с общей экспансией скандинавских народов в период раннего средневековья; завоеванию Руси норманнами; происхождению названия «Русь»; возникновению династии и правящего на Руси класса в связи с участием в нем норманского элемента⁶¹.

Исследуя применительно к Руси эпизод норманской экспансии сравнительно-исторически, автор отмечает, что даже в Западной Европе, где норманны были более активны (так, например, датчане во Франции или датчане и норвежцы в Англии), они нигде не сумели прочно завоевать с помощью оружия большие пространства, а если где и овладели относительно небольшими территориями, то лишь при помощи политики компромисса с местными общественными силами.

Сравнивая размеры норманской колонизации Англии и Руси на основании данных топонимики, автор отмечает для основных центров господства датчан на английской земле значительное число датских наименований, иногда превышающее количество местных названий⁶²; в среднем в Англии встречается не менее 150 датских названий на 10 тыс. кв. км⁶³. На Руси число топонимических данных, возводимых к норманнам, установленное М. Фасмером⁶⁴ и Е. А. Рыдзевской⁶⁵, при сравнении с Англией оказывается норманской каплей в славянском море — в среднем 5 названий на 10 тыс. кв. км⁶⁶.

Мало того, отвергая принятый норманистами прием анализа средних цифр, Г. Ловмянский обращает внимание и на тот примечательный факт, что скандинавскими оказались названия не важнейших, а второстепенных центров Руси; следовательно, норманны нашли здесь уже сложившуюся территориально-политическую организацию, к которой как-то и приспособились⁶⁷. Даже в новгородской земле, где больше скандинавских

⁶⁰ H. Łowmiański. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, str. 61.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. 69.

⁶³ Там же, стр. 72.

⁶⁴ M. Vasmer. Wikingerspuren in Russland «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Jhrg. 1931. H. XXIV; «Philosophisch-historische Klasse». Berlin. 1931, S. 649—674.

⁶⁵ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия» Академии наук. Отделение общественных наук. 1934, стр. 482—532, 609—630.

⁶⁶ H. Łowmiański. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich, str. 75.

⁶⁷ Там же, стр. 75.

топонимических данных, этимология последних, как определили сами норманисты, сильно связана с элементами варяг, колбяг и буряг⁶⁸ и, следовательно, указывает не столько на политическую, сколько на торговую и транспортную активность норманнов.

«Общее заключение из рассмотрения топонимического материала,— пишет Г. Ловмянский,— совершенно четкое: не было крестьянских поселений, не возникало и массовых (как в Англии) военных поселений, не видно связи между скандинавской номенклатурой и формированием политических центров; зато ясно отражаются торговые функции варягов на русских землях»⁶⁹.

Переходя к изучению археологического материала, которым оперируют Т. Арне и другие, автор отвергает значение, придаваемое ими погребениям скандинавских воинов на Руси; эти погребения, по справедливому мнению Г. Ловмянского, подтверждают лишь то, что мы знаем и без них: норманны были на службе у киевских князей⁷⁰, а когда умирали, то их, понятно, хоронили.

Размещение скандинавских находок, сосредоточенных не в Новгороде и Киеве — главных центрах Руси, а на торговом пути Двина — верховья Днепра (Гнездово) — верхняя Волга (Ярославль), говорит о том же, о чем и топонимика, — о торговых интересах норманнов на Руси⁷¹. Даже если согласиться с Т. Арне и признать существование норманнской колонии в Смоленске, это не подкрепит норманизм, а ослабит его, ибо Смоленск в IX—X вв. не играл большой самостоятельной политической роли на Руси. Относительно филологических данных, с помощью которых некоторые исследователи приписывают норманнам введение тех или иных институтов на Руси, Г. Ловмянский замечает, что надо различать две вещи: развитие терминологии и возникновение самих институтов (реалий), обозначаемых с ее помощью⁷²; пока что все это не в такой степени ясно самим норманистам, чтобы считаться научным аргументом.

Следовательно, ни сравнительно-исторические, ни ономастические, ни археологические, ни филологические источники не дают оснований говорить о завоевании Руси норманнами и создании ими Русского государства.

Изучение письменных (русских, арабских, греческих и латинских) источников позволило автору также сделать несколько очень существенных выводов. Он подтвердил, что летописи, даже если принять их структуру, предложенную норманистом А. А. Шахматовым, не могут подкрепить тезис о завоевании Руси норманнами⁷³; кроме того, нерусские источники позволяют утверждать, что Киевская земля была важным политическим центром еще ранее середины IX в., а потому «не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитию государственного устройства на Руси и особенно на среднем Днепре нашли условия для участия в этом процессе главным образом в качестве купцов и наемных воинов»⁷⁴.

Ссылаясь на пример весьма длительного завоевания западнославянских земель Германской империей, на кратковременность и неполноту власти викингов в Англии (с ее островной территорией в 150 тыс. кв. км),

⁶⁸ A. Stender-Petersen. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes vaeringi, russ. varag.— «Acta Philologica Scandinavica», 6. Copenhagen (1931—1932), S. 26—38; его же. Bedeutungsgeschichte des Wortes altnord. Kyflingr, altruss. Kolb'ag. Там же, 7 (1932—1933); S. 181—192; R. Eckblom. Vereinigung unter den Nordländern im alten Russland. ZSPH, 10 (1933), S. 1—20.

⁶⁹ H. Lowmiański. Указ. соч., стр. 77.

⁷⁰ Там же, стр. 78.

⁷¹ Там же, стр. 80.

⁷² Там же, стр. 89.

⁷³ Там же, стр. 98.

⁷⁴ Там же, стр. 116.

автор вновь ставит под сомнение тезис о завоевании Руси с ее территорией в 1 млн. кв. км, представлявшей собой дремучий край, который в отличие от Англии выходил к морю лишь в устье Невы.

Интересен и аргумент автора, основанный на оценке роли норманнов в Восточной Прибалтике. Источники бесспорно подтверждают, что все многократные попытки норманнов (до XIII в.) занять сравнительно небольшие по размерам земли Финляндии, Эстонии, Куронии и Самбии оказались неудачными⁷⁵, так как натолкнулись на отпор со стороны местного населения⁷⁶. «Непонятно, каким чудом могли бы варяги в несколько десятилетий занять путь Ладога — Новгород — Смоленск — Киев и подчинить прилегающие земли власти одного политического центра — Киева»⁷⁷, не говоря уже о том, что опыт истории рисует норманнов не столько организующими государства, сколько умело использующими внутренние противоречия в них. Наконец, характерно и то, что в древней Руси плохо знали Швецию, а деятельность варягов никак не связывали с политикой тамошних королей⁷⁸.

Весьма сложен вопрос и о термине «Русь». Исследователь этого термина вынужден оставаться в сфере гипотез. Но, вообще говоря, надо учитывать, что история знает не только примеры, когда завоеватель навязывал свое имя покоренным; бывало и наоборот: англосаксы взяли имя Британии, немецкие рыцари — Пруссии. Г. Ловмянский полагает, что сообщение летописца о скандинавской Руси — это не более чем ученое построение древнерусского книжника⁷⁹. Следуя взгляду А. Н. Насонова, автор считает, что норманны усвоили имя страны, которой служили; в этом плане он скрупулезно анализирует сведения «Баварского географа» (не знавшего народов к северу от линии прусы — хазары, но знакомого с Русью)⁸⁰, дает оригинальный комментарий к Бертинским анналам⁸¹.

По убедительному мнению Г. Ловмянского, традиционная схема норманистов: Rod(s)lagen — Ruotsi — Rus — Rhos — возникла на пути дедуктивного этимологического анализа, но исторические источники ее не знают; на Руси это название к Швеции никогда не применялось, здесь шведов называли или свеи или варяги⁸². Автор отдает себе отчет в том, что происхождение термина еще нуждается в исследовании, особенно языковедческом, но уже ясно, что норманистская схема противоречит историческим фактам и несостоятельна в своих попытках отрицать локализацию первоначальной Руси на Днепре⁸³.

Термин «Русь» автор считает географическим понятием и принимает мнение М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова о том, что первоначально оно было местным, а затем, с образованием государства, приобрело общее значение⁸⁴. С течением времени содержание термина изменялось: «До IX в. он имел географический смысл, обозначал известную страну над средним Днепром; с IX в., сохраняя прежнее значение, приобрел еще два — три новых: 1) временно обозначал общественную группу, наиболее активную при организации Русского государства; 2) в дальнейшем был распространен на целый район Русского государства, а также стал названием восточнославянского народа. Со временем были забыты географическое и классовое значение этого термина»⁸⁵. Так

⁷⁵ Там же, стр. 82.

⁷⁶ Там же, стр. 88.

⁷⁷ Там же, стр. 117—118.

⁷⁸ Там же, стр. 123.

⁷⁹ Там же, стр. 131.

⁸⁰ Там же, стр. 135.

⁸¹ Там же, стр. 134.

⁸² Там же, стр. 139.

⁸³ Там же, стр. 147.

⁸⁴ Там же, стр. 150.

⁸⁵ Там же, стр. 161.

эволюционировало содержание термина внутри страны, но было еще одно, которое временно распространилось за ее пределами и было связано с норманнами.

«Ныне мы признаем крупной ошибкой старых антинорманистов то, что они доискивались славянских корней в скандинавских именах и названиях, переданных источниками, касавшимися Руси, и таким образом компрометировали свои иногда справедливые положения, привлекая к выводам моменты ненаучные, дилетантские. Эта ошибка принадлежит прошлому. Мы не отрицаем, что русский престол заняла династия скандинавского происхождения, однако не думаем, чтобы это обстоятельство предрешало также скандинавское происхождение и самого Русского государства»⁸⁶, — правильно пишет Г. Ловмянский и приводит примеры неоднократного использования иноземных династий господствующими классами других стран⁸⁷.

Относительно состава самого господствующего класса Руси источники позволяют утверждать, что в него входили и норманны; это следует не только из греческих и арабских данных, но и из договоров 911 и 944 годов.

Верно, что имена участников этих договоров в огромной мере скандинавские, но отсюда (как и от скандинавских — «русских» названий порогов Днепра, известных императору Константину от норманнов — купцов, подвластных Руси) еще далеко до признания правоты норманистов. В договоре 911 г. перечислены послы, они скандинавы; в договоре 944 г. и среди 25 доверителей — большинство скандинавы. Но дело в том, что они представители не персонального союза группы завоевателей Руси, как полагают норманисты. Они лишь дипломатические агенты Русского государства, «всех людей» Русской земли, как сказано в источнике, то есть государственной территориально-политической организации страны, ее многочисленного русского, а не скандинавского правящего класса⁸⁸. В этих дипломатических источниках, таким образом, перечислена лишь ничтожная часть последнего.

Скандинавские имена охватывают только некоторых представителей трех немногочисленных групп класса: правящую династию, послов правящей династии и купцов; но отсюда ничего не следует о составе основной, наиболее многочисленной группы — славянских землевладельцев, бояр, которые, что бы ни думали норманисты, были действительно правящим классом в государстве. От X—XI вв. летописи сохранили около десятка имен представителей этого класса: из 11 имен здесь уже лишь 3 варяжских, и то относящихся к воеводам и кормильцам, которые тогдашней знатью охотно брались из среды варягов. Источники, таким образом, не дают даже формальных оснований утверждать, что варяги численно преобладали в господствующем классе.

Общие выводы из книги таковы. Роль варягов различна на разных этапах их экспансии на Русь. На первом этапе (до третьей четверти IX в.) они выступали «прежде всего в роли купцов, ввиду присущей им ловкости в торговых делах, знания чужих стран, которое облегчало им также функции дипломатические. Поскольку им были присущи знания в военном деле, и особенно в мореплавании, Русь использовала их помощь и в этой области. В виде исключения была призвана на престол скандинавская династия, ослабявшаяся, однако, как кажется, уже во второй половине IX в. или в пору прибытия в Киев Олега, неизвестно, в какой мере связанного с Игорем и Ольгой».

Источники не подтверждают взгляда, будто норманны играли на Руси роль, подобную конкистадорам в Америке, не подтверждают они и

⁸⁶ Там же, стр. 162.

⁸⁷ Там же, стр. 163.

⁸⁸ Там же, стр. 177.

мнения, будто норманны «дали импульс или инициативу к общественно-хозяйственным преобразованиям и к организации государства»⁸⁹.

На другом этапе экспансии (с последней четверти X в.) роль норманнов на Руси стала иной. «Их значение в торговле падает, зато русские князья, в особенности новгородские, охотно используют вспомогательные отряды варягов», которые составляют особые военные единицы, чего на первом этапе не наблюдалось. Термин «варяг», обозначавший купца, стал означать наемного воина. «Использовали князья варягов и в целях административных». Теория норманского происхождения Руси и ее государства «была в историографии явлением закономерным до тех пор, пока господствовал интерес к политической истории и самый исторический процесс считался результатом предприятий одиночек, династий и игнорировалась роль масс. Этот методологический дефект стал, однако, препятствием для надлежащего анализа источников, значение которого выяснилось вполне впервые лишь в условиях отношения к прошлому как к единому процессу и тщательного учета в исследованиях всех, а не только некоторых сторон бытия»⁹⁰.

Таково содержание этого труда Г. Ловмянского. Конечно, исследователь не решил окончательно всех вопросов⁹¹, но путь, которым он идет, верен. Было бы весьма желательно перенести (может быть, в доработанном виде) обе книги автора у нас на русском языке. Надо надеяться, что на основе рассмотренных выше двух исследований ученый создаст третье, в котором внутренние предпосылки и внешнеполитические условия образования Древнерусского государства будут рассмотрены в их единстве.

Характеристика научного творчества Г. Ловмянского будет неполной, если не упомянуть о работе, выполненной им в качестве ответственного редактора первого тома «Истории Польши». Жизнь требовала от польских ученых создания необходимого народу марксистского пособия по истории страны. Еще на первом конгрессе польской науки в 1951 г. Г. Ловмянский изложил план научного исследования истории Польского государства⁹². В 1953 г. он совместно с другими видными специалистами по истории государства и права — А. Гейштором, Ю. Бардахом и Е. Малечыньской — участвовал в издании первого курса истории Польши (до 1466 г.), в котором его перу принадлежит глава, посвященная раннефеодальному периоду⁹³.

Работа над курсом истории Польши, продолжавшаяся несколько лет⁹⁴, сопровождалась оживленными дискуссиями⁹⁵ и завершилась в 1957 г. опубликованием первого тома, охватывающего историю страны с древнейших времен до 1764 года⁹⁶. Выход курса — большая победа польской исторической науки. В достижении этой победы немалая заслуга выдающегося ученого, поборника нерушимой дружбы славянских народов Г. Ловмянского.

⁸⁹ Там же, стр. 182.

⁹⁰ Там же, стр. 183.

⁹¹ Отдельные недостатки этой книги в основном справедливо отмечены в критической статье Ю. Бардаха. См. J. Bardach. O roli normanów na wczesnośredniowiecznej słowiańszczyźnie wschodniej «Kwartalnik Historyczny», 1958, № 2, str. 368—402.

⁹² H. Łowmiański. Projekt planu badań nad historią państwa polskiego. «Kwartalnik Historyczny». Roczn. LVIII, 1951, str. 357—363.

⁹³ H. Łowmiański. Polska w okresie państwa wczesnofeudalnego. W. wyd. «Historia Polski do r. 1466». Warszawa, 1953, str. 32—79.

⁹⁴ H. Łowmiański. Polskie państwo wczesnofeudalne. W. wyd. «Historia Polski do r. 1466» (wyd. 2-e poprawione). Warszawa, 1954, str. 31—82.

⁹⁵ H. Łowmiański. Zagadnienie historii kultury a ogólna synteza dziejów Polski. «Kwartalnik Historyczny», Roczn. LXIV, № 1, 1957, str. 32—46.

⁹⁶ «Historia Polski». T. I, cz. I—II. Warszawa, 1957.